

Станюкович Константин Михайлович

Из кругосветного плавания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Из кругосветного плавания / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 385 с.

ISBN 978-5-519-75275-6

Очерки морского быта К. Станюковича

ISBN 978-5-519-75275-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

батареями, гдѣ мѣрно шагали по эспланадамъ закутанные въ сѣрые плащи часовые.

Корветъ входилъ въ Брестъ.

— Что-й-то за городъ будетъ, братцы, спрашиваютъ другъ у друга матросы: гличанскій или хранцузскій?

— Ктo его знаетъ, братцы, какой онъ такой.

— Это Брестъ-городъ, говоритъ кто то, хранцускаго королевства портъ. Веселый, ребята, портъ. Я былъ тамъ, какъ на «Баянѣ» ходили, кабаковъ-те... кабаковъ-те сколько...

— А скажи, братъ, бани тамъ есть? спрашиваетъ Гаврило,

— Бани-то?... Бань нѣту.

— Штобъ имъ пусто было! И видно нехристей. Нигдѣ этто бань нѣту. Въ Килѣ не было... И опять въ Гревзѣнѣ — не было, и теперче нѣту. И што ты станешь дѣлать? Съ Кронштата не мышишь. Поди такъ и вша заведется.

— Звѣстно вша въ грязѣ живетъ, замѣчаютъ ребята.

— Такъ какъ же быть, братцы?

— Ванныи есть въ Брестѣ, помыться можно.

— Што съ нея толку? Въ ванной не пропрѣешь. Одна слава — мытье... Ребята ходили въ эти ванныи, сказывали што дрянно.

— Ну, Гаврилка, теперче ты бань нигдѣ не увидишь, все пойдутъ ванныи.

— Ишь ты!..

— А то станетъ жаръ, и такой, братецъ ты мой, жаръ, што ты мѣста не найдешь, ровно пекло пойдетъ, а въ водѣ китъ-рыба и акула плаваютъ, дай только подальше зайти. И хо-ша окачиваться станешь, все прѣтъ будешь, по-тому вода тамъ горяча, въ тропикахъ то, объ-ясняетъ Кирилычъ.

— Это городъ значитъ такой, Тропикки?

— Дура ты!.. Этта страна такая... ну, и зо-вется по ихнему Тропиками...

Разговаривающіе замолчали... Мимо прохо-дилъ офицеръ...

— Такъ въ Брестѣ бань нѣту? немного по-года снова началъ Гаврила...

— Ишь присталъ... Сказываютъ — ванныи...

— Ну, тея съ богомъ, съ ванными!..

На этомъ Гаврила остановился...

— Гляди, братцы, кораблей-то сколько!..

— А и такъ... вона и городъ!..

— «На контра-брасъ на правую!» рявкнулъ въ это время Никитичъ и кстати обозвался. Разговоры на бакѣ прекратились. Матросы, молча, трѣкали снасть...

Рейдъ началъ открываться. Корветъ прибавилъ ходу, осмотрѣлся, чтобы въ чужіе люди не свиньей показаться, и, пройдя между француз-скихъ кораблей, кинулъ якорь...

Городъ виднѣлся вдали... Какъ матросы рады были городу, такъ и офицеры были ему рады...

И если Гаврила такъ настойчиво допрашивалъ «есть ли въ Брестѣ бани» — то его вопросъ можетъ по совѣсти считаться болѣе важнымъ, (ибо рѣшалъ вопросъ чистоплотности) чѣмъ тѣ, которыми мы (офицеры) осыпали нашего товарища, бывшаго прежде въ Брестѣ...

— Что, какая лучшая въ Брестѣ гостинница?

— Билліарды съ лузами есть?..

— А на счетъ говядинки, каково ааа?..

Такими вопросами закидывали мы Н. Н., который поспѣшилъ дать самые точные и удовлетворительные отвѣты...

— И то хорошо, рѣшаемъ мы.

— Такъ ѣдьте скорѣй на берегъ!..

— Ёдемъ, господа, ѣдемъ! Да обѣдъ закажемъ съ шампанскимъ!..

— Ёдьте же, ѣдьте!..

Не сердись, читатель-морякъ, не сердись и не обвиняй меня въ преднамѣренномъ пристрастіи... Я знаю, многіе изъ васъ не сердились бы, если я, вмѣсто того, чтобъ передать наши истинные вопросы по поводу билліарда и прочаго, — написалъ, что при входѣ на рейдъ мы интересуемся городомъ; желаемъ осмотрѣть его примѣчательности и прочее; что мы, какъ истые моряки, такъ-сказать горимъ желаніемъ, не поѣсть по-людски, не придерживая, какъ случилось на корветѣ во время качки, — тарелку супа въ рукахъ, а осмотрѣть положимъ

сперва щегольское вооруженіе французскаго корвета... но вѣдь, написавши это... я написалъ бы ложь... положительную ложь... такъ ужъ лучше я рискую подвергнуться нареканіемъ вашимъ, чѣмъ писать то, что хотя и бываетъ, но бываетъ какъ исключеніе, а не какъ обыкновенный, поминутный фактъ.

Опротивѣли паруса, надобла палуба, опротивѣло все это однообразіе, эта жизнь изо дня въ день, одинаковая, успѣвшая не одному мнѣ надобсть, какъ уже успѣлъ надобсть консервованный супъ...

Ждутъ всѣ берега... берега!..

Не сердись и за эту откровенность, читатель, истый морякъ! Если ты разсердишься и скажешь, какъ нѣкоторые и говорили (даже печатно), что твой кровь, твоя мать, твои родные, все это для тебя — море, то ты солжешь... И я, правда, видѣлъ одного юнаго барина, изъ породы кронштадскихъ морскихъ хлыщей (типъ еще неразработанный), говорившаго, что ему на берегу скучно... все его молъ въ море тянетъ, — но вѣдь это онъ по молодости лѣтъ, неразумію и изъ желанія морскимъ элементикомъ форснуть говорилъ такъ; но еще хуже, что и не столь юные и неразумные проповѣдаютъ это-же.

Вѣдь человѣкъ (а русскій и тѣмъ болѣе) не для моря созданъ! Кто вамъ мѣшаетъ любить его, служить на немъ, (къ тому-же и деньги за

это хорошія получаете), много плавать, много испытывать... Но развѣ частенько, лежа въ своей одинокой, тѣсной каютѣ и катаясь съ одного бока на другой, — развѣ не навязывается въ нашу голову мысль о другой жизни... и (сердитесь не сердитесь, истый морякъ) жизни болѣе полной и человѣческой. Не подкрадывается-ли къ вамъ, незамѣтно для васъ, мысль о женщинѣ?.. Развѣ не хочется вамъ болѣе просторнаго жилища?.. Развѣ не рветесь вы къ болѣе общественной жизни... словомъ не тоскуете развѣ вы часто о вашей подчасъ тяжелой долѣ?..

Признайтесь, что подобныя мысли залѣзаютъ и въ вашъ мозгъ; такъ къ чему-же вы говорите, что жена ваша — море?.. Выраженіе это... безобразно. Море, во-первыхъ, слишкомъ холодно, чтобъ согрѣть васъ, и хоть можетъ дать вамъ много наслажденій (объ этомъ не спору), но все-жъ, полагаю, не такія полныя, какія дастъ вамъ любимая женщина.

Такъ что-жъ рисоваться и говорить, что вы безъ моря жить не можете по *страсти* къ нему (если это и бываетъ, то бываетъ какъ ненормальное явленіе); лучше прямо и честно говорить, что вы безъ моря жить не можете по той весьма существенной и резонной причинѣ, что иначе вамъ, во первыхъ, кусать будетъ нечего, во вторыхъ, по привычкѣ (но не по страсти)

а въ третьихъ потому, что вы въ морѣ тоже, съ вашей точки зрѣнія, дѣлу служите, а слѣдовательно и на этомъ спокойны. А дай-ка вамъ тыщенокъ десять доходу, посмотрѣлъ-бы я, какъ-бы вы тогда заговорили, истый морякъ, ну хоть о томъ, что море — ваша жена.

Не спорю... морская жизнь имѣетъ много прелести, много пользы, даетъ много тонкихъ ощущеній (для любителя); но видѣть вѣчно эти прелести, испытывать вѣчно эти ощущенія — это по мнѣ подчасъ несладко... И тогда понятно, почему всѣмъ такъ хочется берега... берега!

Вотъ и берегъ... Стали на якорь... Такъ и лѣзетъ всякій сперва въ гостинницу о чревѣ своемъ позаботиться (что касается до автора, то онъ полагаетъ, что на голодное чрево любоваться красами природы или красами зданій и улицъ могутъ только натуры высшія и исключительныя), а то и просто посидѣть въ спокойномъ креслѣ и хоть на время позабыть о палубѣ, о парусахъ... словомъ о той тяжелой, требующей вѣчной подвижности службѣ, которая отбиваетъ всякую охоту впечатляться.

Мы пошли собираться въ городъ и облачаться въ статскіе костюмы... И ужъ на какихъ-же чучелъ многіе изъ насъ были похожи въ статскомъ платьѣ... Извѣстно, военный человекъ въ немъ на первый разъ неловокъ, не въ своемъ видѣ... Привыкъ онъ и признаковъ бѣлья

не выказывать изъ за галстуха, а тутъ надо жабо разныя выставлять... Ну, и конечно, съ непривычки трудно!

Пока мы одѣвались, въ каютъ-компанію собрались прачки, — всегдашнія первыя гостыи, — и ужъ шумѣли тамъ препорядочно. Всѣ хлынули изъ каютъ посмотриѣть на прачекъ. Многимъ желательно было увидать молоденькихъ, чистенькихъ гризетокъ, по рецепту нами любимого романиста Поль де Кока, — но всѣ сильно ошиблись, увидѣвъ, вмѣсто молодости и красоты — старость и неблагообразіе крикливыхъ бретенокъ, которыя и говорили такимъ ломаннымъ французскимъ языкомъ, что понять было трудно.

Старыя теткы эти словно на лицахъ нашихъ прочли, что многіе не такихъ прачекъ ожидали... Одна изъ нихъ мигомъ выбѣжала наверхъ и скоро привела молодую, не совсѣмъ некрасивую прачку, очень мило одѣтую, которая и не замедлила, улыбаясь прелукавымъ манеромъ, упрашивать насъ отдать бѣлье своей патроншѣ... И другія старухи тѣмъ временемъ не дремали, а многозначительно совали намъ въ руки свои удостовѣренія отъ господъ русскихъ, прежде насъ посѣщавшихъ Брестъ, — удостовѣренія до того оригинальныя, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать нѣкоторыя изъ нихъ читателю.

Напримѣръ слѣдующій:

«Такая-то моетъ хорошо, но въ срокъ не привозитъ бѣлья... Не отдавайте ей мыть, господа... Она морда!»

А вотъ и еще:

«Къ такой-то можно обращаться не столь по мытью бѣлья, сколь по другимъ дѣламъ, въ коихъ россиянину въ чужомъ городѣ можетъ встрѣтиться надобность».

Былъ и такой сертификатъ:

«Господа! Madame Girnaux хотъ моетъ бѣлье отвратительно, но совѣтуемъ отдавать ей мыть, ибо въ награду за дурно-вымытое бѣлье вы познакомитесь съ ея племянницей, хорошенькой Мери (19 лѣтъ), брюнеткой съ голубыми глазами. Жительство она имѣетъ въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то номерѣ и безъ рекомендаціи своей тетюшки ни съ кѣмъ не знакомится...»

Я долженъ съ горестію признаться, что на послѣдній сертификатъ изловилось большинство нашей публики, и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ другія прачки смотрѣли на тетку Girnaux, веселую, довольную, уносившую одинъ за другимъ большіе узлы съ грязнымъ бѣльемъ.

И хотя мамзель Клара — живой сертификатъ — и строила преловкія гримаски, но все же не могла набрать столько бѣлья, сколько набрала тетка Girnaux.

— Развѣ отдать Кларѣ бѣлье, — говоритъ Петръ Ильичъ Ильѣ Петровичу.

— Бросьте... Развѣ не видите?... Чисто кошка!

И Петръ Ильичъ приказываетъ вѣстовому отдать m-me Girnaux, а та приглашаетъ къ себѣ и объясняетъ, что ея племянница... О, это чудное созданіе...; ее знаютъ всѣ ваши офицеры...

Вотъ и портные пріѣхали; суютъ въ руки свои карточки, другъ передъ другомъ выхваляютъ свою умѣлость и берутся все сшить, что ни потребуется, и скоро, и дешево, и хорошо...

Толкотня въ каютъ-компаніи страшная... Шумъ невыносимый... Въ одномъ углу Антонъ Антонычъ все допытываетъ у Клары сколько ей лѣтъ... Клара говоритъ, что семнадцать, но Антонъ Антонычъ утверждаетъ (и совершенно справедливо), что она вретъ, но Клара, увѣряетъ, что она не вретъ, что она свѣжа... молода...

Тутъ кто-то изъ нашихъ съ портнымъ торгуется, и торгующійся входитъ въ азартъ; а у каюты вѣстовой Ворсунька ругаетъ m-me Girnaux за то, что она по-русски считать не умѣетъ..

— Нехристь ты поганая... Ну, считай!.. Одна рубака, двѣ... три... четыре... пять...

И бретонка, ровно попугай, повторяетъ: одна рубака... две... тѣри... читирь... Но потомъ сбивается и продолжаетъ: *cinq, six...*

— Опять загадѣла по сабачьи... Ишь бормочетъ... и не понять! ужь вы, в. б—іе, обращается Ворсунька къ своему барину, — съ меня не извольте опосля спрашивать... Я по ихнему

считать не умѣю... Може бѣльн не достанетъ... я не отвѣтчикъ...

И у матросовъ въ палубѣ тоже возня. И тамъ прачки суетятся. У кого изъ ребятъ завелся лишній франкъ, который онъ прогулять не рассчитываетъ, — тотъ отдаетъ свое бѣльишко прачкѣ.

И тутъ есть, — и изъ старухъ, и помоложе, и попригожѣй другихъ — прачка Жюли, съ которой ребята уже знакомство свели и которую по дружески зовутъ Жюлькой.

— Ты таперича, Жюлька, — говоритъ Гришка, хватая шершавой, смолистой пятерней узенькую талию быстроглазой, востроносой Жюли, — бѣлье-то вымой хорошо... Да портки-то чище... Ишь пропрѣли-то какъ, — суетъ онъ Жюли въ руки свои потемнѣвшіе отъ грязи и поту портки... Смотри, Жюлька, чтобъ было бонъ!..

— O monsieur... soyez sûr... Un franc la douzaine...

— Да ужъ я знаю, былъ у васъ... Одинъ франокъ дюжина...

— Валяй!.. Славная, Хведя, этта Жюлька, — обращается Гришка къ подошедшему матросу.

— Шельма! одно слово...

— Ты заштопай, тетка... Мыть берешься и заштопай... понимаешь?... И рубаху почини... И штаны тоже заштопай... потому деньги не даромъ платить...